

Когда они спустились вниз, за углом уже шумел завтрак, но поскольку атмосфера ночного кутежа ещё не рассеялась, густой запах алкоголя, витавший в воздухе, по-прежнему наполнял бар настроением разврата и роскоши.

Хозяин бара, Чарли, издалека увидел Бай Лумина и, как только тот вошёл, тепло поприветствовал:

— Лу Мин, пришёл позавтракать?

— Брат Чарли, доброе утро, — Бай Лумин улыбнулся в ответ, привычно придвинул стул у входа и сел, вяло зевнув ещё раз.

Чарли, заметив его упавший дух, сначала подумал, что Лу Мин всё ещё скорбит по Лу Учэню. Он только хотел начать утешать, как увидел, что следом за ним вошёл Хэ Илань.

Он опешил, и только потом сообразил, что они спустились с лестницы один за другим.

Что касается верхнего этажа их здания: дом, в котором жил старина Лу, был давно продан, чтобы оплатить похороны. Остался только чердак, где жил Бай Лумин.

Эти двое вчера провели ночь вместе?

Чарли невольно посмотрел на Хэ Иланя ещё раз.

Незнакомое лицо. Раньше он его не видел. Интересно, откуда он привёл этого мужчину?

За короткое время в его голове пронеслось бесчисленное множество оперных сюжетов.

Бай Лумин уже сделал заказ:

— Брат Чарли, мне мой обычный набор из трёх блюд, спасибо.

Он увидел, что Хэ Илань сел рядом, и протянул ему меню:

— Посмотри, что хочешь.

Хэ Илань взял его, полистал, а затем снова закрыл:

— Мне то же, что и тебе.

Бай Лумин посмотрел на него с кривой улыбкой:

— Ты уверен?

Хэ Илань:

— Да.

Бай Лумин хотел сказать, что его обычный завтрак Хэ Иланю точно не понравится, но решил промолчать и попросил Чарли приготовить вторую порцию.

Через некоторое время на стол поставили «обычный набор из трёх блюд», заказанный Бай Лумином: стакан синтетического молока, булочка из грубой муки и одна тщательно приготовленная жареная колбаска.

Точно такой же комплект поставили и перед Хэ Иланем.

Чарли долго хотел что-то сказать и, воспользовавшись моментом, когда подавал еду, всё-таки обратился к Бай Лумину:

— Кстати, что ты решил насчёт того, о чём я тебя спрашивал? Старина Лу ушёл внезапно, но жизнь продолжается. Если хочешь, можешь в любое время приходить ко мне в бар работать. Ты всегда нравился моим гостям. Ты же знаешь, как у меня тут, заведение приличное. Если ты не захочешь, никто и пальцем тебя не тронет, гарантирую.

Эта фраза показалась Бай Лумину знакомой. Он задумался и вспомнил, что в последнее время он действительно получал много подобной «заботы».

Он улыбнулся Чарли:

— Спасибо, брат, правда, не нужно. Вчера брат Ван тоже предлагал мне работу в клубе в верхнем районе, но я так же отказался. Нет у меня таланта к этому, не смогу я сопровождать за выпивкой.

Вероятно, услышав слова «развлекать за выпивкой», Бай Лумин почувствовал, что Хэ Илань бросил на него ещё один взгляд.

— Клуб в верхнем районе? Ну, это, конечно, лучше, чем у меня, — эти слова ошеломили Чарли, и он ещё больше не понимал выбора Бай Лумина. — Ты даже в верхний район не хочешь? А что ты тогда собираешься делать?

Кто-то рядом вмешался:

— Может, он хочет записаться в армию?

Чарли:

— Ой, кстати, да! День призыва скоро! В этом году у нас, кажется, тоже много желающих записаться? Если уж и получить военный билет, то это точно верный путь к успеху. Мы все тут погреемся в лучах славы!

— Ха-ха-ха, да ладно, это я так, просто говорю. С этими ручками-ножками Лу Мина лучше не надо. Служба в армии — это тяжёлая штука, не каждый выдержит.

Бай Лумин рассмеялся:

— Это точно. Такой горькой жизни, как в армии, я не вынесу.

За завтраком в баре сидели соседи по району. Когда разговор начался, они тут же оживлённо заговорили, перебывая друг друга.

Бай Лумин улыбнулся, обменялся ещё парой фраз с людьми и, взяв булочку, откусил кусочек.

Надо сказать, что, если судить по датам, ежегодный День призыва действительно близился.

Время и правда летит, как белая лошадь сквозь щель. Годы мчатся, как стрела.

Бай Лумин помнил, как попал в аварию во время скачка и как старина Лу его подобрал. И вот, в мгновение ока, старина Лу ушёл первым, а он сам живёт на этой дохлой звёздочке уже целых три года.

Это был уже третий День призыва с тех пор, как он здесь.

Так называемый День призыва — это день, когда четыре главных Легиона полностью открывают набор новобранцев.

В этот день открывается коридор, и любой гражданин в возрасте от 16 до 35 лет, независимо от происхождения и пола, может записаться по месту жительства. Если он проходит все этапы отбора и попадает в окончательный список призывников, он официально вступает в один из четырёх Легионов.

С момента своего появления День призыва стал единственным способом попасть в военное

министерство Империи. Для представителей среднего и высшего классов это был трамплин к успеху в военной карьере, а для людей из нижнего района, где не было видно ни малейшего просвета, это был единственный шанс превратиться в дракона.

— Четыре Легиона-основателя... — кто-то не удержался от мечтательного вздоха. — Если кто-то из наших туда попадёт, это будет такой успех, что дым из труб предков повалит.

— Ещё бы! Жаль, что я не успел, когда только начинался Рой Жуков. Иначе за эти заслуги в основании Империи мне бы тоже что-нибудь перепало.

— Иди, иди. Ещё не стемнело, и ты ещё не пил, а уже мечтаешь.

— Эх, ну а что, в этом году, наверное, будет много желающих записаться. Интересно, сможет ли кто-нибудь из наших выбиться.

— Хочешь правду? У всех этих молодых господ сверху есть поддержка, а тут чисто на энтузиазме захочешь прорваться — будет очень тяжело.

— Да не надо так рано печалиться. А вдруг?

Бай Лумин слушал их разговоры и тоже смеялся:

— Да, а вдруг?

Чарли посмотрел на него:

— Что, по твоему голосу, ты и вправду собираешься попробовать?

— Мне уже хватит, — Бай Лумин махнул рукой. — В этой жизни я, видимо, уже без шансов на эти Легионы. Такой хороший шанс лучше оставить тем, у кого есть запал.

Говоря это, он неторопливо доедал горячую колбаску.

На самом деле, если уж на то пошло, именно Бай Лумин добился этого Дня призыва у самого Императора.

Это было солнечным днём пять лет назад. Небо было ясное, ни облачка. Он шёл рядом с Его Величеством в заднем саду, глядя на пролетающих в небе... Ладно, хотя после установления мира в Империи наступили мирные времена, на Императорской Звезде всё равно были запрещены любые полёты, включая птиц и все новые летательные аппараты.

Предложение Бай Лумина о Дне призыва было простым: по его мнению, люди всех классов должны иметь шанс реализовать свою ценность. Возможно, представители среднего и высшего классов легче получали хорошее образование и обширные знания, но это не означало, что именно они создадут всё будущее галактики.

Он не ненавидел богатых, он просто считал, что надежда — это то, чего достоин каждый человек. По крайней мере, в его жизни это всегда было очень яркое и важное слово.

Тогда он и Его Величество сразу нашли общий язык, и с тех пор День призыва появился и существует уже много лет. Даже последующие Учения Четырёх Легионов были разработаны тогда же.

Вспоминая прошлое, Бай Лумин с редкой тоской подумал о своих старых друзьях.

Хотя они тоже были заслуженными ветеранами, одержавшими славные победы на поле боя, они явно лучше него приспособились к жизни после основания Империи. Сейчас, за исключением него самого, все они усердно трудились на своих постах.

По крайней мере, их имена часто мелькали в военных сводках.

К сожалению, Бай Лумин не любил применять военную тактику к политике. По его мнению, гораздо лучше, чем ежедневно вынужденно играть в политические игры с Кабинетом Министров, было вовремя отступить от дел, как он сейчас сделал.

Как говорится, поваляться часок — это круто, а валяться всегда — это круто вдвойне.

Вместо призрачной славы и заслуг, жизнь без необходимости ходить на работу подходила ему гораздо больше.

Бай Лумин отпил синтетического молока из стакана и, подняв глаза, заметил, что Хэ Илань смотрит куда-то в сторону, а его завтрак на столе остался нетронутым.

Он не выдержал и спросил:

— Что ты ищешь?

Хэ Илань ответил:

— Нож и вилку.

Бай Лумин: ...

Может, вам ещё и салфетки с со свечами для романтического завтрака принести?

— Это бар, здесь нет таких условностей, — сказал Бай Лумин, снова взял оставшийся хлеб и отправил его в рот. Его решительный укус ясно давал понять: «Смотри, я показываю пример. Мы едим вот так».

Взгляд Хэ Иланя долго задержался на крошках, оставшихся на уголке губ Бай Лумина. Затем он взял салфетку, медленно вытер руки, аккуратно разделил пальцами хлеб на ровные кусочки, поднёс один маленький ломтик к губам и откусил.

Бай Лумин, проглотив последний кусок хлеба, мысленно аплодировал, поражённый.

Грациозно. Это просто невероятно грациозно.

С начала до конца трапезы Бай Лумин заметил, что Хэ Илань бесчисленное количество раз смотрел в его сторону.

Как только он уже собирался спросить, он увидел, что этот человек внезапно встал и слегка наклонился к нему.

Бай Лумин ясно почувствовал, как протянутый палец Хэ Иланя нежно скользнул по уголку его губ. Магнетический голос раздался совсем рядом, у его уха:

— Не вытер до конца.

Прикосновение было мимолётным, но оставило лёгкое тепло.

Только когда поле зрения снова открылось, Бай Лумин опомнился:

— А, спасибо.

Хэ Илань долго терпел из-за этих крошек, но в конце концов не справился со своим перфекционизмом. Выполнив это действие, он сам немного удивился своему поведению:

— ...Не за что.

Бай Лумин встал, чтобы расплатиться у стойки.

Перед самым выходом Чарли снова окликнул его:

— Ты правда не подумаешь о работе у меня в баре?

— Правда, нет, — Бай Лумин был растроган настойчивостью Чарли. Ответив, он увидел, как тот с сожалением покачал головой, и его взгляд скользнул мимо него на несколько метров назад.

Там стоял Хэ Илань.

Чарли немного понизил голос:

— А этот? Лицо совсем незнакомое. Кто он тебе? Вы знакомы? Тут уже несколько клиентов спрашивали. Говорят, что он тоже очень хорош собой. Если и ты, и он захотите работать у меня, мои двери для вас будут настежь открыты!

— Этот, да... — Бай Лумин представил себе главу «Механизмов Вселенной» в парадном костюме, работающего в этом баре, и искренне сказал: — Если ты хочешь, чтобы весь наш нижний район сравнивали с землёй, можешь продолжать его приглашать.

Чарли:

— А?

Бай Лумин не стал объяснять недоумевающему Чарли и, прежде чем тот успел лично обратиться к Хэ Иланю, увёл его.

Он не собирался подниматься наверх вместе с ним и, выйдя из бара, сунул Хэ Иланю в руку какую-то бумажку:

— Уже поздно. У меня в мастерской много заказов, так что я с тобой не пойду. Дверь наверху не заперта. Поднимайся, собери свои вещи и можешь уходить. Только не забудь перед уходом оплатить счёт.

— Счёт? — Хэ Илань развернул бумажку, которую ему сунули в руку. На ней был чётко расписан список расходов. Неизвестно, когда этот человек успел его составить.

Помимо разных странных статей, таких как плата за очистку, плата за перевязку, плата за убаюкивание, плата за проживание, плата за электричество, плата за воду и т. д., там также были перечислены все медикаменты: обезболивающее, раствор Ласселя, реагент a-g234, бинты и даже деньги за только что купленные синтетическое молоко, булочку и колбаску.

Всё было чётко указано и расписано.

Хэ Илань протянул счёт Бай Лумину, ткнув пальцем в одну из строк:

— Всё остальное понятно. А что означает вот это: «Плата за совесть»?

— Буквально то, что написано, — с улыбкой объяснил Бай Лумин. — В конце концов, с тех пор как я вчера тебя встретил, меня потрепало так, что я до сих пор толком не отдохнул. Как говорится, добро, оказанное ручейком, нужно вернуть потоком. Ты и сам знаешь, как много я для тебя сделал. Размер благодарности — это полностью на твоей совести.

Хэ Илань понял:

— Вымогательство благодарности?

Бай Лумин махнул рукой:

— Не надо говорить так изящно. Мой поступок, самое большее, можно назвать просто моральным шантажом.

Спасать людей — это хорошо, но, конечно, не бесплатно. Раз уж он сам едва сводит концы с концами, то если есть добровольные чаевые, то почему бы их не взять?

— Номер счёта указан на бумаге. Я пошёл, до свидания.

Бай Лумин взглянул на время и развернулся, чтобы уйти.

Хэ Илань смотрел, как удаляется его спина, и, постояв немного, нашёл это забавным.

Если бы этот человек был расчётливым и скупым, он бы не ушёл так решительно, не беспокоясь, что его могут кинуть.

Хэ Илань вернулся на чердак, осмотрелся и обнаружил в углу свою сменную одежду. Аккуратно на ней лежали его лучевое оружие и коммуникатор.

Коммуникатор, видимо, был сломан. Впрочем, даже если бы он работал, им всё равно нельзя было бы пользоваться.

Судя по ситуации прошлой ночью, его средства связи, скорее всего, прослушивались. Иначе те люди не смогли бы так точно узнать об этом абсолютно секретном личном маршруте.

В компании «Механизмы Вселенной» завёлся крот, который хочет с ним расправиться.

Хэ Илань немного подумал и решил, что это неплохая возможность.

Как отреагируют люди из его клана, если он вдруг исчезнет?

Он начал с нетерпением ждать, какой хаос произойдёт в семье дальше.

Возможно, он сможет отбросить свою прежнюю личность и пожить некоторое время на этой никому не нужной Пустынной звезде.

Говоря об отказе от прежней личности...

Хэ Илань вдруг кое-что вспомнил.

Он опустил глаза и посмотрел на бумажку, которую всё ещё держал в руке.

Личный счёт, очевидно, использовать нельзя. Выходит, что теперь, будучи без гроша в кармане, он, кажется, не может оплатить этот счёт.

Хэ Илань: ...

Он никогда не думал, что наступит день, когда он будет обременён «огромным» долгом.

Единственное, что радовало, — его кредитор оказался довольно интересным.

Можно попробовать его пошантажировать.

<http://bllate.org/book/15772/1411036>